

V

Она поблагодарила его за подарок.

Но, слава богу, он, кажется, не заметил и сам, что говорит он один.

...Кажется, он рассказывает новости из фешенебельного мира, что-то из жизни королевского двора.

И только когда все новости, видимо, были исчерпаны, Филлис спросила о здоровье его отца.

Погруженная в свои печали, она не очень вникала в его рассказ. И вдруг, укорив себя за такое отношение к тому, с кем предстояло ей прожить целую жизнь, внимательно посмотрела на своего жениха.

Если бы так она, Филлис, посмотрела на него раньше, уж наверно заметила бы его едва скрываемое смущение...

Гоулд было умолк, видимо, собираясь с теми словами, которыми — это было заметно — хотел что-то объяснить...

— Я, милая Филлис, приехал, собственно, вот по какой причине... — заговорил Хамфри Гоулд уже несколько иным, не столь бодрым то-

ном. — То есть да, я благодарю вас за ваше беспокойство о состоянии моего отца. Оно, к сожалению, внушает беспокойство по-прежнему. И я как раз хотел сейчас сказать о том, что... может ухудшить его здоровье. То есть да, Филлис, когда я рассказал ему о нашей с вами помолвке, он вполне одобрил мой выбор. Для него важно... н-да... я бы сказал, слишком важно... из какой будет семьи моя жена...

То есть, — после видимого ею, Филлис, затруднения продолжал жених, — насколько эта семья воцерковлена. Ибо отец мой считает, что только девушка из такой, с религиозными устоями, семьи может стать достойной и верной своему супругу женщиной. Он, как, видимо, и ваш отец, судит наше поколение по тому, кто нас воспитывал. Он даже снесся со священником того храма в городе, в который, как узнал от общих знакомых, отец ваш ходил на службы. Пастор этого храма отозвался о мистере Гроуе самым превосходным образом. Так что мой отец сожалеет, что не познакомился с вашим отцом сразу же после того, как наше семейство переехало из этой местности в Бат.

...Чем дольше сейчас он, Хамфри Гоулд, говорил, тем с большим недоумением смотрела на него Филлис. Еще бы! После своего столь долгого отсутствия ее жених говорит, что он приехал по какой-то причине! Сначала же... пускается в историю несостоявшегося знакомства их отцов.

Хамфри Гоулд, видимо, понял и сам: недоумение, с которым смотрела теперь на него та, кто считала себя его невестой, более чем оправдано. А потому, наконец, заговорил о причине своего приезда.

— Филлис... — наконец решился он заговорить об этой причине. — Когда я вас увидел, вы мне действительно понравились. Но потом... Потом я вернулся в город. И я вдруг встретил такую красавицу!.. Нет, нет, Филлис, вы красивая тоже. Просто я в ту девушку влюбился по-настоящему!

И он, Хамфри, замолчал. Замолчал не оттого, что удовлетворился той особенностью, какой наделил свое возвращение к невесте... Нет, конечно, он и сам должен был почувствовать... гм... всю неловкость своего объяснения.

Да уж, это его объяснение... А потому — молчала и она... Ведь надо было еще понять — что вдруг сказал ей жених! Который, оказывается, и не жених ее вовсе.

...Конечно же, если бы она, Филлис, была не такой стеснительной, она бы сейчас и сказала то, о чем подумала: «Уж лучше бы тогда, по приезде в город, встретились бы не наши отцы, а вы, Хамфри, сами... с той, кого вы, как вы говорите, полюбили по-настоящему... И тогда бы вы не посмели свататься ко мне».

Но она, Филлис, даже и на такую язвительность (не столь уж в ее положении и большую), нет, не решилась.

А только все-таки спросила то, что на ее месте уж точно (в сердцах или из любопытства) спросила бы почти любая:

— И сколько же лет ей... той, кого вы встретили, вашей... настоящей красавице?

— Ей столько же, сколько и вам, — пояснил Хамфри Гоулд. — Когда наша семья переехала из этой местности в город, мне было девять. А ее, как и вас, Филлис, еще тогда не было на свете. И вот... Я встретил ее только теперь.

Гоулд в смущении умолк. Хотя (это было заметно по его лицу) он собирался сказать что-то еще. Но не решался... Молчала и Филлис.

...Они — те, кто год назад собирались пройти вместе целую жизнь, — дошли сейчас до конца

садовой ограды, и Филлис уже хотела повернуть за угол, к калитке, когда вдруг Гоулд попросил:

— Пожалуйста, Филлис... Мисс Гроув!.. Пройдемтесь еще раз. Мне... Я хочу попросить у вас совета. Вернее, помощи...

Они повернули обратно. Но Гоулд, кажется, был настолько смущен, что никак все не мог сказать то, о чем хотел он попросить совета.

Молчали оба. Шли рядом — и молчали...

И только теперь, в молчании (когда, даже находясь с кем-то рядом, слушаем мы только себя), она, Филлис вдруг опомнилась! Ведь по этой дорожке, вдоль ограды, ходил к ней он... Маттеус.

В самом деле! Уязвленная признанием того, кто целый год считался ее женихом и кто встретил *другую*, только теперь вспомнила она, что *встретила* и она тоже... и что она тоже... *полюбила по-настоящему!*

А потому вдруг от ее, Филлис, обиды на Хамфри Гоулда осталось сейчас... ну, совсем, совсем чуть-чуть.

...Да, конечно, она, Филлис (мисс Гроув), была хорошим человеком. Ибо другая на ее месте все-таки разозлилась бы на Хамфри Гоулда. Как же: она, невеста, во имя долга перед женихом отказалась от своего счастья, а он, когда уже счастья своего ей не вернуть, отказывается от нее самой. От своего слова! Как будто и не он, Хамфри Гоулд, просил ее руки.

Но нет! Она, Филлис, все вспомнив о себе... нет, она не смогла упрекнуть. Потому что — поняла! Потому что Хамфри... Ведь он, Хамфри, полюбил!

И ей сейчас... ей, Филлис, даже захотелось сейчас признаться ему тоже, что полюбила — и она! Да, все так: он полюбил другую... она — другого... Ах, нет, нет! Ведь они с Хамфри не подружки. А рассказать ему, что не бежала с другим, с любимым ею человеком, из чувства долга... Что, мол, осталась она потому, что осталась верна данному ему, Хамфри Гоулду, слову... Нет, это значит призвать и его, Хамфри, к тому же... О, нет!

Так она, Филлис, думала... Но что сказать? Что сказать тому, с кем она сейчас, под гордым взглядом отца, вышла на прогулку как с будущим мужем, но кто мужем ее стать отказался?

Филлис остановилась. И как вроде к чему-то прислушалась... Будто мог сейчас прозвучать и другой голос. Оттуда... По времени — уже с дру-

гого, с французского берега. Голос Маттеуса! Будто только сейчас, вопреки своему характеру, он, Маттеус, все же упрекнул ее... Что она — не бежала с ним!

Вслушиваясь в себя, она все еще так стояла, когда, наконец, Гоулд заговорил... Он, Хамфри Гоулд, обычно такой в разговорах непринужденный, теперь выговаривал слова с трудом...

— И вот, милая мисс Гроув, я прошу вашей помощи... Да, Филлис, прошу у вас совета! Все дело в том, что девушка, о которой я вам признался, — она из семьи хотя и достаточно богатой, но с которой отец мой породниться не захочет. Уж я-то его убеждения на этот счет знаю! Не буду сейчас говорить о них, этих его убеждениях... А только — так-то, вдруг, нет, сразу он не согласится! А я бы не хотел — без его благословения... Не хотел бы шума. И вот... Если бы, Филлис, вы написали ему... О том, что не хотите больше связывать себя этой помолвкой, что отказываете мне. Ведь и в самом деле, Филлис... Да, слишком долго я не приезжал. В глазах общества — непростительно долго! А потому вас, Филлис, все поймут правильно, симпатии общества будут на вашей стороне. И тогда мой отец увидит, что после такого, после вашего, Филлис, вполне справедливого отказа от меня, какая девушка из хорошей семьи — хорошей по понятиям моего отца — какая пойдет за меня?..

Гоулд выпрямился, и голос его — окреп: наконец смог он все объяснить!

— И тогда отец — согласится! Ничего ему тогда не останется, как согласиться. И он успокоится. Иначе же... Если я женюсь на этой девушке без его разрешения, он может... Его здоровье может окончательно пошатнуться!

Филлис выслушала этого человека — и голова у нее, что называется, пошла кругом... Да нет — закружилась и в самом деле, Гоулд едва успел ее, мисс Гроув, поддержать.

...Но обратно, к дому, они все же шли не под руку. Не так, совсем не так, как ожидал их увидеть доктор Гроув.

«Вот как он жалеет своего отца! — в смятении думала Филлис. — А о том, что теперь будет с моим, он, кажется, и вовсе не задумывается!»

О побеге гусар узнали в деревне не сразу (полк жил своей, достаточно замкнутой жизнью).

Побег этот оказался неудачным. Потому что беглецы были гусары, а не моряки... Плыли ночью — и высадились все же на земле английско-

го королевства, на Джерси. Как известно, остров Джерси находится совсем близко от континента — и это довольно большой остров. Во всяком случае, его берег, наверное, увидели беглецам далеко простертым в обе стороны (насколько было можно видеть на рассвете), и они решили, что это и есть французский берег.

Увы! Солдаты английской береговой охраны сразу поняли, почему йоркские гусары оказались здесь. И сдали дезертиров властям. Всех четверых.

Правда, потом, когда их судило полковое начальство, Маттеус и Христоф заявили, что двоих своих товарищей склонили к побегу именно они... И тех приговорили лишь к розгам.

...День второй, третий, может, уже и четвертый, пятый. Будто это все — один день. Тот, после той ночи. Все не оставляла Филлис горестная мысль: «Там, у себя на родине, среди своих соотечественниц, Маттеус обо мне забудет... В конце концов забудет и мое имя».

Вот и сегодня... Опять не могла Филлис найти себе места, спонялась туда-сюда... Так что в конце концов единственным уголком во всем английском королевстве, в котором все-таки захотелось ей быть, оказалось место их свиданий.

Когда Филлис вышла из дома, отец открывал калитку миссис Брук, их кухарке...

Хозяева, мистер Гроув и мисс Гроув, как всегда, вежливо ответили на ее, миссис Брук, приветствие. И она, обычно державшая их в курсе всего, что происходило в деревне и в округе (например, что сын фермера попросил руки дочери пастора, а еще, на день раньше, Джон Старк просил им передать, что собирается зарезать свинью и — не купят ли у него мясо?). Уже она, миссис Брук, собиралась сообщить им новость... Такую! Но, опомнившись (увидев их, отца и дочь, столь же горестными, как и во все эти последние дни), эта тактичная женщина решила, что кому-кому, а не ей сейчас еще более утяжелять их тяжелое состояние...

Да, на место свиданий шла Филлис с опущенной головой. Ничего нового теперь она не могла увидеть и ничему уже не могла ни обрадоваться, ни удивиться.

А день уже был в разгаре, выпил росу, и уползли с подсыхающей песчаной дорожки улитки и слизни.

На заветном месте трава была примята, и желтел в ней песок. Ну да... Приходила на свидания с Маттеусом в сумерках, а по вечерам песок на садовой дорожке влажный, прилипал к подошвам башмаков... И отец заметил! Вот и хочет теперь отправить ее к тетке... Как только в ответ на свое письмо получит приглашение. Ах, теперь — все равно!..

Теперь Филлис даже и не смотрела в сторону лагеря. И что туда смотреть? Палатки, лошадиные спины у коновязей... Стелется по земле всегда по утрам низкий дым полевых кухонь. Маттеуса там нет.

Сейчас там звучала музыка. Как это иногда и бывало по утрам при Маттеусе. Он всегда вечером предупреждал, когда будет играть полковой оркестр. И она взбиралась утром на стену смотреть, как там готовятся к королевскому смотру.

Ведь как это было... Стройно, под музыку, едут по лугу эскадроны гусар... Съезжаются, разъезжаются опять (и в одном из этих эскадронов ехал на своем коне ее Маттеус!); потом эскадроны, один за другим, в красивом порядке, следуют мимо своего командира, полковника, и что-то ему кричат (разумеется, как бы и не ему, полковнику, а королю: ведь готовятся встретить короля!).

Но все это было тогда... А теперь оттуда только боль. Да и какая-то она сегодня, эта музыка, другая... Нет, не та, по-военному бодрая, когда, слушая ее, хочется жить даже и не военному человеку. А печальная, такая — когда прощаются... Да, да, уже никакой надежды — и прощаются с человеком навсегда. Будто играют там для нее, Филлис. Так больно играют! Больно на сердце.

Но откуда теперь уж на сердце такая тревога? Разве она уже не простилась? Она, Филлис, простилась навсегда!

В тревожном недоумении от такой музыки Филлис поднялась на стену. Встала, уравнив себя той ветвью, которая так счастливо осеняла место их с Маттеусом свиданий. Той ветвью (уж об этом, конечно, она сейчас не вспомнила), некорректный рост которой за ограду ее отец уже собирался урезонить. А только, увы, теперь, после того как все столь горестно объяснилось с ее женихом, не стало уже у него, мистера Гроува, сил для работы с пилой.

Да, встала Филлис на стене во весь рост и... удивилась: все на гусарском лугу было сегодня не

так! Совсем другое на нем оказалось построение гусар...

На лошади сидел лишь один человек, а весь полк был пешим — стоял длинными, во весь луг, рядами. А на единственной незанятой стороне луга, впрочем, также вытопанной до черноты, светло и четко бросились в глаза какие-то прямоугольники...

Надо здесь сказать, что усадьба Филлис хотя и находилась на некотором возвышении над лагерем, а все же не так к нему близко, чтобы можно было молодой, еще не искушенной в разных перипетиях жизни девушке сразу же и догадаться, что там, в лагере, происходит. Так что как там все было, Филлис рассказала мне уже со слов тех, кто тогда на этом лугу находился.

С дальней, свободной от солдатских шеренг стороны двигалась процессия... Впереди шел оркестр — и он играл ту самую музыку, предназначение которой Филлис едва только начала сейчас вспоминать: так давно, еще в детстве, видела она похороны командующего городским гарнизоном.

Но если тот, командующий, следовал к месту своего последнего назначения лежа, то есть, как и положено, в гробу, и, понятное дело, музыке, исполняемой по такому случаю, не внимал, то здесь... Станным было то обстоятельство, что на повозке, следующей за оркестром, не было гроба. А были на ней два солдата, и они — сидели... В то время как оркестр исполнял — именно так! — похоронный марш.

Зато, по всем правилам проводов в лучший мир, шли — и рядом и позади повозки... По одну ее сторону шел караул — четыре солдата (с ружьями на изготовку... ведь *проводжали-то* беглецов — и кто мог поручиться, что в самый торжественный момент они не возьмутся за старое?). По другую — два священника: один пастор был военный, полковой, другой местный, деревенский (ибо лежать осужденным суждено было не в Саарбрюккене и не в Эльзасе, а на местном на деревенском кладбище).

Позади же катафалка (приходится, согласно моменту, назвать именно так повозку, обычно употребляемую в полку для перевозки кухонных котлов) шли любопытные — поселяне из этой и окрестных деревень. Шли, пребывая (опять же прилично моменту) в печали. Причем головы жен-

щин даже были покрыты платками и чепчиками, будто они пришли в церковь.

...А полковой оркестр шел впереди и играл похоронный марш.

Траурная процессия медленно миновала весь фронт полка, все три его стороны, и вернулась к четвертой, свободной от солдатских шеренг. Стало очевидно, что это пространство было освобождено для тех пуль, которые могут пролететь мимо...

Повозка остановилась как раз возле гробов. Это были совсем новенькие, с любовью сделанные деревенским гробовщиком изделия. Правда, его, мастера, напоследок огорчили: не разрешили покрасить... В то время как у него после похорон супруги школьного учителя оставалось краски еще на один гроб... Замечательного, густого кремового цвета. Теперь, вот жди, когда в деревне почует дорогой клиент.

Ну да об этом экономном мастере своего дела здесь лишь потому, что надо же чем-то заполнить время, пока осужденные более чем нехотя слезали с повозки. Почему-то сначала они подняли головы, будто хотели кого-то там, на небе, увидеть, потом медленно-медленно опускались на колени и долго-долго молились...

Впрочем, за это время надо бы сказать о более сейчас важном — толках среди зрителей этого действия о дочери мистера Гроува... Понятно, что прощаться со своим гусаром здесь было бы с ее стороны уже совсем неприлично, однако вот заметили же все, как он, пока ехал на катафалке, искал взглядом... кого же, как не ее, мисс Гроув! Могла бы она, хотя бы взглядом, попрощаться.

...Никто осужденных, пока они молились, не торопил, нет. Но вдруг они поднялись одновременно, будто по команде.

И тут, никем из английских офицеров не ожидаемые, гортанно громко прозвучали немецкие слова:

— Erbarme dich, mein Gott!

Ибо те двадцать четыре солдата (по двенадцать на каждого из расстреливаемых легионеров), те, кто сейчас вскинули ружья, были немцы... И они возопили к Господу о прощении им, невольным убийцам немца!

Офицер, командир расстрельной команды, обнажил саблю и, в согласии с каким-то правилом, проделал ею несколько движений, возможно, и замечательных в своем роде; наконец поднял саблю острием вверх (в позиции «оружие подвись») и вдруг разом опустил ее к ноге.

Здесь с удивлением можно было бы предположить, что каждый из расстрельщиков одним взглядом смотрел на саблю своего командира, а другим — на свою жертву!

...Когда залп, короткий, как один выстрел, прогремел, дикий вопль донесся от сада доктора Гроува.

Потом кто-то из поселян рассказывал, что успел увидеть на садовой стене дочь мистера Гроува... И что она, мисс Гроув, тут же с этой стены и упала. (А так как оказалось, что успел такое увидеть он один, то и рассказывал об этом зоркий поселянин часто, как герой, то есть как только подходил нового слушателя.)

Но это уже обсуждали потом, так как зрелище здесь еще не окончилось...

Те солдаты, которые шли в процессии в качестве конвоя, поспешили положить тела своих товарищей в гробы — и уже взяли с повозки заранее (с чисто немецкой предусмотрительностью) приготовленные молотки (два молотка) и гвозди...

Но тут подсказал полковник (его замечательным вороным жеребцом поселяне любовались и раньше, все лето) и приказал сделать то, что, по его мнению, должно было отторгнуть достойных солдат вверенного ему полка от душевного участия к своим вчерашним недостойным товарищам. По его приказанию гробы подняли так, что Маттеус и Христоф как бы опять встали на ноги.

Так они, Маттеус и Христоф, постояли в поставленных на изножья гробах, пока наконец (именно что не сразу, будто еще захотели солдаты, в последний раз, постоять *смирно*) не вывалились из них лицами вниз, на землю... Ту самую землю, которую они вытоптали здесь (разумеется, вместе со всей тысячей своих товарищей по полку) — так, что трава на ней не смела показываться даже после недавнего дождя.

Однако и на этом зрелище еще не окончилось...

По приказу своего командира — построились в колонну... И медленным, будто гусиным, шагом (люди как бы приседали — то на одну ногу, то на другую...) полк прошел мимо трупов. Понятно, что это был совсем не строевой шаг — отнюдь не почести сейчас отданы были расстрелянным дезертирам.

И только после такого «парада», а еще после того, как отерли мертвые лица (причем священники при виде на них земли успокоенно почему-то

переглянулись), — только после всего этого вернули мертвецов в их гробы¹.

Доктор Гроув, привлеченный выстрелом, как он подумал, из пушки (ему еще не приходилось слышать столь дружного залпа из двадцати четырех ружей), выбежал из дома посмотреть, что в лагере происходит, — как раз к тому месту садовой ограды, откуда (на примере дочери) лучше всего можно было рассмотреть лагерь. И вдруг — увидел свою дочь на земле. И она была неподвижна!

Но все-таки он, доктор Гроув, установил сразу: дочь была жива... Была без сознания. Как раз в это время миссис Брук готовила завтрак — и они вместе перенесли Филлис в дом.

Сознание вернулось к девушке нескоро.

И несколько недель (благодаря сообщениям миссис Брук) все в деревне боялись за ее распад.

Что уж тут говорить о том, в каком состоянии все это время был ее отец, едва только пришедший в себя после долгожданного приезда Хамфри Гоулда.

...Если кто посетит Старую Джорджиану, это известное еще со времен короля Георга купаль-

ное местечко, и вздумает пройтись в соседнюю деревню, он может спросить в тамошней церкви ту из кладбищенских книг, записи в которой относятся к началу века.

«Маттеус Тина, капрал Его Вел. Йоркского гусарского полка. Расстрелян за дезертирство, похоронен 30-го дня июня месяца 1801 года. От роду было 22 года. Место рождения — г. Саарбрюккен, Германия».

«Христоф Блесс, рядовой Его Вел. Йоркского гусарского полка. Расстрелян за дезертирство, похоронен 30-го дня июня месяца 1801 года. От роду было 22 года. Место рождения — г. Лоторген, Эльзас».

Могилы им вырыли подалее от церкви, около самой ограды. Ни крестов, ни каких-либо знаков памяти... Потом, через полвека, Филлис показала мне их. Говорят, она, пока была жива, подсыпала на них землю. Теперь, конечно, насыпи эти осели и поросли крапивой. Так что указать могилы гусар могут лишь те, кто помнит, к кому на кладбище (кроме своего отца доктора Гроува) приходила с цветами старая мисс Гроув.

Поблизости от этих могил покоится и она сама.

Перевод с английского Юрия Сенчурова

¹ По древнему поверью англичан, лица казненных (если они были не настоящими людьми, оборотнями) остаются при таких испытаниях чистыми, ибо земля их не принимает.

О переводчике. Юрий Сенчуков после окончания Литературного института и до своего шестидесятилетия — литературный редактор в издательстве «Художественная литература», в редакциях журналов «Огонек», «Октябрь». Его переводы и статьи — в составленных им собраниях сочинений иностранных писателей. Пишет и для детей.